

выражения. Симптоматично, что авторы рассмотренных в тексте параграфа метаантропологических подходов в унисон притязают на новую парадигму философии человека, и каждый из них, опираясь на передовые концепции естествознания, одновременно подчеркивает философскую преемственность древнего духовного опыта. При этом фундаментальной онтологической, гносеологической, аксиологической категорией так или иначе выступает принимающее различные облики, ориентированное на новый внутренний и внешний синтез противоречие: между различными интервалами абстракции, типами дискурса, жизненными этапами, модусами бытия, типами организации человеческой активности, маргинальными феноменами, стратегиями границы и т.д. Вопрос, тем самым, ставится не только о наличной мере человеческого, но и о мере трансформации, преобразования и метаморфозы, о мере предельной и запредельной, об иномерности. Едва ли можно считать все эти рассуждения случайными оговорками нескольких профессиональных философов. Скорее, это адекватная философская реакция на антропологические реалии современности (активизацию человека в отношении собственных границ) и ее культурный контекст: нарастающее влияние высоких технологий, средств массовой коммуникации, новых мифологий, феминизма и идеологии потребительского общества.

УДК 141.7

ИДЕЯ ПОКОЛЕНИЙ В СУПРАМОРАЛИЗМЕ Н.Ф. ФЕДОРОВА: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

В.Н. Корablева
Харьков, Украина

Сегодня, в условиях нарастания глобализационных тенденций, национальные культуры стремятся актуализировать свою самобытность, противопоставляя её универсальности. Самобытность как доверие к культурному статусу нации, ее внутренняя духовная опора, есть выражение творческих усилий народа, специфика его менталитета. Потенция нашей самобытности кроется в православии, чем и обусловлена необходимость обращения к религиозной философии. Классическая европейская рациональность, выстраивая хронотоп окружающего мира, мыслит время как историю, линию прогресса, представленную цепью преемственных поколений. Православие подчеркивает превосходство «горнего мира», вертикали вечности, низводя историю до бессмысленной и бесцельной суеты. Исследование наших духовных корней – европейских, славянских, православных – приводит к актуализации проблемного узла на пересечении этих линий, к необходимости исследования идеи поколений в обеих традициях.

Из плеяды философов, традиционно относимых к русской религиозной философии, малоисследованным остается вклад Н.Ф. Федорова, часто трактуемый как «предтеча» чего-то более весомого и значимого, не имеющий самостоятельной научной ценности (что представляется необоснованным). Смысловым ядром философской концепции Н.Ф. Федорова выступает идея солидарности поколений как единственная возможность достижения реального бессмертия человечества, избежание Апокалипсиса. Н.Ф. Федоров заменяет христианскую догматику этикой, называя свое учение супраморализмом, высшей христиан-

ской моралью, суть которой заключается в осознании своего долга перед отцами-предками. Рождение – это принятие жизни от родителей, то есть лишение родителей жизни, чем обусловлен долг воскрешения родителей, который дарует детям бессмертие. Философ даже заменяет категорию «человек» категорией «сын человеческий», что позволяет проводить параллели с теорией Х. Ортеги-и-Гассета, полагающей истинной антропологической сущностью «осознание себя наследником».

Н.Ф. Федоров воспринимает весь род человеческий как единую семью, которая далеко разошлась и забыла о своем родстве. Когда-то человечество начинало с очень тесных семейных связей, что помогло ему выжить перед лицом смертельных опасностей, и сегодня человечество вновь оказалось перед угрозой мира, изуродованного им самим: бесконечные стихийные бедствия и реальность экологической катастрофы вновь требуют объединения человечества, сродни первобытному единству, и лишь эта солидарность, по мысли Н.Ф. Федорова, может гарантировать людям победу над природой. Супраморализм – это проект построения посюстороннего Рая, Царства Божьего на земле, которое возможно только через объединение человечества в убеждениях – православием, и в осознании себя «сынами человеческими», а друг друга – братьями. Особое напряжение данная философская концепция, на наш взгляд, вызывает требованием прекратить деторождение во имя отцевоскрешения, то есть для воскрешения предков и бессмертия рода человеческого должны исчезнуть рождение и смерть как две стороны одного процесса – тленности человека. Распространенная же трактовка бессмертия подразумевает «неумирание», по отнюдь не «нерождение». На первый взгляд, этот постулат Н.Ф. Федорова противоречит библейскому «плодитесь и размножайтесь», но логика философа такова: «Не нужно рождать смертное, а нужно воссоздавать умершее, тогда в мире как подобии Божьему не будет смерти».

Учению Н.Ф. Федорова свойственна специфическая философская оптика, в фокусе которой человек представлен не в социальном, а в природно-родовом и одновременно универсально-космическом аспектах. Библейский сюжет о том, что Бог задумал человека по образу и подобию своему, а создал по образу, породил всевозможные трактовки вариантов достижения подобия Божьего. Н.Ф. Федоров видит достижение подобия в Святой Троице, сам Бог – это родовой коллектив (Отец, Сын и Святой Дух, условно уподобляемый философом Дочери), поэтому отдельный человек никогда не сможет достичь подобия Божьего, а только через синтез всех поколений, в «супраморалистической совокупности». И это тоже является весомым аргументом в пользу коллективного спасения, а не индивидуального самосовершенствования, попытки достижения Богоподобия «в одиночку».

На Руси издревле духовным основанием крестьянства было почитание отечества, понимаемого в трех аспектах: отца родного по крови, отца духовного и родины-отечества. Страшным наследием атеистического общества явилась разобщенность семей и отдельных людей, ведь отказ от небесного Отцовства неизбежно породил отказ от отцовства земного и привел к разрушению межпоколенческой солидарности. И очень уместно в данном контексте обозначение современной культуры как «умножающей маски одипочества среди множущихся коммуникативных средств» (А.С. Филоненко). В противовес этому современная религиозная философия предлагает интерпретировать общество как «объединение семей, а не сумму человеческих одипочеств» (Д. Контумас). Слово «отец», «родитель» превращает наше индивидуальное бытие в таинство прича-

стности, мы признаем тем самым онтологическую основу нашего бытия в другом человеке, собственную фундаментальную недостаточность.

Возвращаясь к нашим культурным корням, следует отметить, что мышлению человека в традиционном обществе свойственно «мышление родом (семьей)», и в этом смысле вопрос «чей ты?» первичнее, чем «кто ты?». В подобной системе мировосприятия человек ощущает свое среднее положение между двумя разнонаправленными векторами бытия – прошлым (предки) и будущим (потомки), тем самым, принимая любое решение, человек принимает на себя ответственность за его последствия, соотносит его с памятью о предках и с судьбами потомков. С другой стороны, человек, включенный в род, ощущает собственное принципиальное одиночество в мире. Как пишет Пьер Нора, «в обреченном на демократическую атомизацию мире поколение – не только средство быть свободным; это еще и единственное средство не быть одиноким».

С. Авринцев отмечает, что любой тоталитарной системе свойственно заигрывание со «сквозными структурами цивилизации» (С. Крымский), в том числе и манипулирование межпоколенческими отношениями. Так, тоталитаризм советского образца сначала способствует разрыву поколений, постулируя «Сын за отца не отвечает!» и продуцируя разнообразных павликов морозовых, а затем напоминает, что семья есть основная ячейка общества. И все как будто возвращается «на круги своя», но только это уже санкционировано сверху, семья перестает быть интимной закрытой средой обитания индивида, она лишается суверенитета жизненной данности, превращаясь в подведомственную инстанциям институцию. Крушение советской системы и вхождение в глобализирующийся мир вновь актуализировало вопрос о межпоколенческой солидарности, поскольку постстатейстическое общество автоматически наследовало конфигурацию идеи семьи от атеистического, тоталитарного. В то же время постмодернизм апеллирует к взаимодействию поколений как культурному механизму достижения стабильности общества, заявляя, что только если коммуникация между ребенком и матерью на первичном этапе социализации происходит без помех, выросший индивид будет способен беспрепятственно интегрироваться в социум, поскольку он будет экстраполировать отношения доверия, сложившиеся с матерью, сначала на отца, «значимых других» (Т. Бергер, П. Лукман), а затем и на все общество. Таким образом, нарушение межпоколенческой коммуникации, разрыв межпоколенческой солидарности затрудняет индивиду поиск своего места в мире. А учитывая, что сегодня человечество переживает «Гефсиманскую эпоху» (В. Малахов), испытывает опыт Бого- и человекооставленности, проблема достижения фундаментального одиночества и гармонии с окружающим миром вновь актуализирует идеи единства поколений, супраморализма, высказанные Н.Ф. Федоровым, которые в современном контексте предстают весьма актуальными и эвристически плодотворными.